

ПО ПОВОДУ ПОХОРОН Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

=====

Оригинал здесь: <http://cfrl.ru/prose/panaev/panaev.shtm>

=====

С лишком тринадцать лет назад тому, 29 мая 1848 года, по Лиговке к Волкову кладбищу тянулась бедная и печальная процессия, не обращавшая на себя особенного внимания встречных. За гробом шло человек двадцать приятелей умершего, а за ними, как это обыкновенно водится на всякого рода похоронах, тащились две извозчицы четвероместные колымаги, запряженные клячами... Это были литературные похороны, не почтенные, впрочем, ни одной литературной и ученой знаменитостью. Даже ни одна редакция журнала (за исключением редакции "Отечественных записок" и только что возникшего "Современника") не сочла необходимым отдать последний долг своему собрату, который честно всю жизнь отстаивал независимость слова и мысли, всю жизнь энергически боролся с невежеством и ложью... Из числа двадцати, провожавших этот гроб, собственно литераторов было, может быть, не более пяти-шести человек, - остальные принадлежали к людям простым, не пользовавшимся никакою известностью, но близким покойному... Ни одного постороннего человека добровольно не было на этих похоронах, только два или три какие-то неизвестные появлялись и на пути к кладбищу, и в церкви при отпевании, и на могиле при опускании гроба. Чего хотели они, чем могли возбудить их любопытство эти бедные похороны?..

Когда покойника отпели, друзья снесли гроб его на своих плечах до могилы, которая уже до половины была наполнена водою, опустили гроб в воду, бросили в него по обычаю горсть земли и разошлись молча, не произнеся ни единого олова над этим дорогим для них гробом.

После возвращения с кладбища начались рассуждения о памятнике, о необходимости обеспечить семейство покойного и так далее, - открылась подписка... Все говорили так горячо, у всех голоса дрожали, у всех были слезы на глазах! Казалось, в эту минуту все готовы были пожертвовать для этого половиной своего состояния или отдать половину своих трудовых денег... И во всем этом было столько искренности!

Но мы обыкновенно вспыхиваем так же легко и быстро, как легко и быстро охлаждаемся (здесь я разумею уж не одних друзей покойного, а вообще всех русских людей).

Мы, друзья его, еще не успели сносить обувь, в которой шли за его гробом (я был также из числа двадцати), человека, поддерживавшего между нами разумную связь и осмыслившего наше существование, как наш энтузиазм к его памяти уже совершенно остыл и мы потеряли даже след к его могиле...

Шли годы. Сбившись с прямого пути, погружаясь более и более в изящную пустоту жизни, путаясь в частных и личных мелочах, поддерживая, однако, втихомолку свои авторитетички дружбою с Белинским, имя которого мы не решались произносить громко, - мы и не заметили, как подошло к нам новое литературное поколение с горячею верою в будущее, которую мы давно утратили, с твердыми убеждениями и с смелым словом. Оно во всеуслышание произнесло имя Белинского, которое в течение с лишком семи лет не упоминалось в литературе.

При этом мы, немного смущенные и даже несколько оскорбленные тем, что нас предупредили люди посторонние, также закричали: "Да, Белинский! Белинский!" и начали объяснять наши дружеские связи с покойным, намекать на нашу близость с ним, чувствуя, что только этими намеками мы еще можем несколько поддержать себя в общественном мнении. Затем множество почтенных господ профессоров и академиков, - которые при жизни Белинского едва подозревали о его существовании или, зная его, избегали с ним встречи, приходили в ужас от его статей и в угоду тогдашним литературным знаменитостям отзывались о нем с презрением, - стали теперь упоминать о нем с весьма лестною для памяти покойного похвалою и даже как будто с некоторым чувством. Эти господа, вооружась именем Белинского (бедный Белинский!), его авторитетом, пробовали было преследовать молодое, ненавистное для них, поколение... "Куда вы идете? - кричали они: - что вы делаете? Никогда Белинский не допустил бы того и того"; или: "если бы Белинский встал из гроба, он бы отвергнул с негодованием то и то" - и так далее.

Белинский пошел снова в ход. Он приобрел таких друзей и поклонников через десять лет после своей смерти, от которых бежал бы со страхом и негодованием при жизни...